

Струны Вен

леван тодадзе

художник: Елена Сашина

2012 год

ПОЭЗИЯ ДОЛЖНА БЫТЬ НАПОЛНЕНА КРОВЬЮ ПОЭТА.

ISBN 978-9941-0-3135-9

Керосиновая лампа

Я старик, поседевший от пыли,
И когда-то забытый в углу,
Где бывлые покинули силы?
А паук натянул тетиву

Я обуза, и выбросить жалко,
Ох, какой же жестокий удел,
И нужнее меня даже скалка,
А когда-то для вас я горел.

Я старался сгорать до истока,
Чтобы вам подарить теплоту .
В час ночной, и забытый Богом,
Быть заменою светлomu дню.

А теперь ни наград, ни заботы
Я в углу обрастаю судьбой,
И не жду я проклятой свободы,
Зажигайте меня лишь порой.

Я был рядом и в праздник и в беды,
Освещал ваш тернистый путь.
И писать помогал поэтам,
Постигая их тонкую суть.

А потом, заменила вот эта,
Без души, зато яркая тварь.
От меня недостаточно света,
От меня только копоть и гарь.

И меня положили на полку,
Как ни в чем не пригодную вещь,
И кричать, и кряхтеть уж, без толку,
А в боку моей мятая брешь.

Позволь мне быть твоим

Я живу одной твоей душой,
Я в тебе одной ищу ответы.
Может, мне не быть твоей судьбой,
Но позволь мне быть твоим поэтом.

Буду я ласкать твои уста,
Не рукой, дак вязью междустрочий.
Без тебя лишь пустота листа
Бросит в меня холод белой ночи.

Сорванный, покинутый листок.
Потеряв на век родные дали,
Я нашел тебя, мой нежный рок
Гениально сотканных деталей.

Издали коснусь своей мечтой
Твоего негаснущего света.
Может, мне не стать твоей судьбой.
Но навек я стал, твоим поэтом!

Посвящается моей капризной Музе – Дашуле Бойцовой.

Спасибо за вдохновение

Времени бег

Кроет печаль, кроет разлуку,
Кроет и боль, словно сотканный снег.
Я никогда не простил бы ту суку,
Если б не чувствовал, времени бег.

Как будто бы рок, с белым ветром сольется.
Нам не поймать эти скорые сны.
Как же цинично, над нами смеется,
Метелью стерев очертанье тропы.

Жгут корабли золотые рассветы,
Волны жестоко проглотят их след.
Мы не отыщем в кристаллах ответы,
Нас ослепит обжигающий свет.

Тает любовь, растает и дружба.
Тают последние, беглые дни
Жизнь пролетит, как церковная служба,
С последним псалмом убежав от судьбы.

Письма на скатерти

В багряных телах рифмуется
От нервов крепленный чай.
На белую скатерть шифруется
Патронами сотканный май.

С тенями играет вздохами
Под свет керосиновых ламп,
А небо все прячет под окнами
Еще не достроенный храм.

Ложится паролями скрытая,
По венам прошедшая боль.
Волнами мятыми свитая,
Словами лощенная соль.

Укроет под темными кадрами,
Нюансы стирают слова,
В измятых тетрадах чернилами
Весной опадает листва.

Откроет дорогой изогнутой
В деталях потерянный май.
А я - небесами проклятый
Патронами встречу свой рай!

Пьяная Русь

Я безмерно влюбился в очи
В кроткой зеленью пьяную Русь.
И парящим листом между прочим
Я в паденье к тебе прикоснусь

Прикоснусь и забуду о боли,
Прикоснусь и взорвусь я звездой.
Удивившись собственной воле,
Опаду я осенней мечтой

В золотую метель я сорвался,
Подо мной бесконечная даль,
Неумелым безумием вальса
На ветрах нарисую печаль

Где-то там, вдалеке, недоступна
Моя тихая, хрупкая грусть,
Пусть покажется нежность преступной
А любовь - миражом, ну и пусть.

Без вниманья оставлю детали -
Исчезать на промокших листах.
Твои губы меня приковали,
И навек заточили в стихах.

Болезнь

В темно-синем небе вьется
Перламутровый пожар.
И кристаллами прольется,
На сугубленную даль.

С тихим вихрем распрощавшись
И укрывшись от луны,
Мир уснёт на рыхлой стуже
Опадающей зимы.

И хрустальным отраженьем
Ночь, уставится на твердь.
Город спрячется за тени,
Выбель превратится в медь.

И уйдет последний табор
С опадающим листом.
Только я в пустой квартире
Упиваюсь сквозняком.

Сыро здесь, и холод вязкий
Упирается в бока.
В очаге огонь погаснет
Перламутрового сна.

И болезнь тугой улыбкой
Легкие сожмёт в кулак,
Я уйду за вязью зыбкой
В бесконечно тихий мрак.

Другим огнем

Откуда я сегодня снова пьяный
Иду домой в истоме и в бреду?
Я помню, пели песни капитаны,
Отметив, чью-то, новую звезду.

Я помню, лица улыбались дико,
Качался хмель устало над столом.
Я помню шумный гул веселых криков,
И пьяных дам, рыгающих вином.

Еще я помню, что хотел забыться,
Спускаясь в мрачный ворот кабака.
А демоны здесь привыкали злиться
Союзом виски с пачкой табака.

Я заливал чужую боль словами,
Свою лечил дешевым вискарем.
В меня бросались пошлыми стихами,
Но мой бокал пылал другим огнем...

Эй цыганка

Эй, цыганка, ты мой тайный грех.
Плачь, родная, ждет отцовский гнев,
Я люблю ласкать твой нежный смех,
За закат с тобою улетев.

Ты терзай гитарную струну,
Чернь волос спустив на голый торс,
Я сегодня променял жену
На манящий запах твоих слез.

Расскажи мне о минувших снах,
Погадай, что будет впереди.
О тебе я напишу в стихах,
Уложив на белые цветы.

Рождена свободной, словно лань.
Пусть кипит кочующая кровь,
С ранним ветром улетаешь вдаль,
Лишь на миг мне подарив любовь.

Эх, цыганка, тайный мой порок,
Подарив мне ласковые дни.
Убегай из города тревог.
Убегай терзать чужие сны!

Испания в руках тирана

Испания в руках тирана.
Пятном багряным на листах
Он отмечал слепые раны,
Под знаком черного креста.

Испания горит кострами,
И слышен крик «еретиков».
«Пускай умоются слезами!»
А слезы превращались в кровь.

Испания хрипит от боли.
Над морем пронесется вой.
«Не подчинились папской воле
И инквизиции святой!»

А королеву вяжут маски.
Ей верен лишь конкистадор.
Тугие вены рвут на части,
Испанию сжирает мор.

Последним вздохом капитана
Уйдут фрегаты на века.
Испания в руках тирана.
А в книгах темная строка.

О чем скрипят несмазанные двери

О чем скрипят не смазанные двери?
Стерев копыта, кони смотрят вдаль...
Твоим слезам столица не поверит.
С годами приживется и печаль.

Уйдет и вера сквозь живые дыры.
Затянет холод в магистрали вен.
Нас убивают в собственных квартирах,
Снимая мерки с пожелтевших стен.

Теперь и мусор в электронном виде,
А свет страшит покрепче, чем война.
И на руинах золотой Колхиды
Несмазанная вновь скрипит страна.

Я не могу себя понять

Я не могу себя понять.
За что тебя так полюбил.
За царственную твою стать?
Или что дочь ты двух светил?

За то, что гладь твоих очей
Таинственной морских глубин?
Или за нежность тёплых дней,
Что я с тобою проводил?

За осень в голосе твоём,
За те поникшие глаза.
Или за то, что мы вдвоём,
И бьются в такт наши сердца?

За ту улыбку в феврале,
Что знаменует мне весну?
За то, что я горю в огне ,
И что с тобой я всем рискну?

Я не могу себя понять,
Наверно я сошёл с ума.
Но коль в безумии страдать,
Хочу страдать ради тебя.

И нежную мою звезду,
Хочу ласкать в своих стихах.
С июльским ветром я уйду,
С твоей любовью на устах.

Ярославль

Я люблю этот вязевый город,
Аромат пересохших аллей.
И березовый, восковый холод,
Вереницу сиреневых дней.

Я люблю его белые стены,
Золотую тоску куполов.
И асфальтом кипящие вены
Преобнявшие город дорог.

Вспоминаю ушедшего друга
Черно-белыми кадрами сна,
А внутри бесконечная вьюга
Тихой болью охватит меня.

Навсегда в моей памяти город,
Между строк улетевший журавль,
Для меня он всегда будет молод,
И красив - золотой Ярославль.

Жертвы

Снова щетинистый воздух,
Тугое, застывшее небо
Нам ветры царапают кожу,
Но в капсулах вера в плацебо.

Бездомных согреет свобода,
Больных – героиновый омут.
И вольные больше не моде,
В темницах запрутся и стонут.

Чеканят безумные ноты
На клавишах пьяного джаза.
Мы дети погибшей свободы,
Мы жертвы настигшей проказы.

Плюются осенние ветры.
Кресты превращаются в плюсы,
Никто не поверит в ответы,
Теперь расстреляем Иисуса.

И стихнем. Подняв наши взгляды
На небо с раскатами грома.
Мы вновь, не совсем, виноваты,
Мы – жертвы слепого синдрома.

Святой отец

Вьются седым серпантинном
Кудри святого отца,
Взгляд его, будто с картины,
Боль пожилого лица

Господом брошены звезды,
Ангелы радуют взор,
Моря глубокие воды
Рисуют бескрайный узор.

Сошёл он велением Бога
Чтоб душ заблудшую рать,
Идущую тёмной дорогой,
Любовью на путь наставлять.

И гулким, глухим баритоном,
Как будто бы гром по земле,
Прочтёт он «изогнутым» тоном
Молитву на святой горе.

*Посвящается Католикос-Патриарху всея Грузии, Архиепископу Мцхетскому
и Тбилисскому, Митрополиту Бичвинты и Цхум-Абхазии, Святейшему и
Блаженнейшему Илие II*

Кутаисские мотивы

Скалы, горы, мостовые,
Глыбы - белые цветы,
Памятники, как живые,
На камнях растут стихи.

И Рион в журчанье пьяном,
Навевает тёплым сном
Благо старого Баграта
Терпкой кровью, как вином.

Как молитвы в чаше полной,
Тамада прольёт тосты,
Этот город весь застольный.
На цепях висят мосты.

Сверху синь лизнёт просторы,
Хрупких облаков эфир
Рассыпается на горы,
На Гелатский монастырь.

Отчий дом стоит склонившись,
Постарел былой гигант,
И ссутулился, как нищий
Поседевший истукан.

Но еще из ветхих окон
Льются песни родником,
Этот город сердцем соткан,
Будто Золотым Руном.

Осень в Имерети

Имерети бархат снится,
Вяжет войлок небо в синь.
К свету жадно тянет листья
Ароматом пьяный тмин.

И покорно наклонились
Ветви тяжестью плодов.
Осень желтая спустилась
К изголовью городов.

Журавлиный клин стремится
Поскорей попасть на юг,
Урожаем твердь сочится
И торопит сотни рук –

Наполняют "сацнахели"
Виноградную лозой,
Песнь грузинскую запели,
Чащи полнятся слезой,

Благородным словом льются
Освященные тосты.
Этот хлеб и эти лица
Пред иконами чисты.

Город оборванных фраз

Листьев багряный пожар
Падает небом сухим.
Город о чем-то шептал
В косматый и рваный дым.

Ветер хохочет в лицо,
Солнце ласкает взгляд.
Город сказал, но не все...
В тлеющий листопад.

Плачет в последний раз.
Скрип опалённой души.
Город оборванных фраз
Ждёт поседевшей зимы.

Стих

Я хочу сложить словами все легенды в стих прекрасный
Я хочу мечтать стихами, и чтоб слово было ясным
Я хочу летать стихами и парить как птица в небе
Я гореть хочу стихами обращая мысли в пепел

Я хочу кричать стихами и услышать эхо где-то
И шептать хочу стихами с наслаждением поэта
Я хочу любить стихами, страстью раскрывая душу
Я хочу, любили что бы и хочу стихи я слушать

Чувствовать хочу стихами, одурманив сердце нежно
Я хочу болеть стихами и орать от боли честно
Я хочу дышать стихами и чтоб жизнь, была похожа
На тот стих, что вам по нраву, смерть же будет словно проза.

2010 год.

Отца охрипший голос

В морщинах кожа вся, седые волосы,
Уже поникший, грустный взгляд,
И все, что слышу я в охрипшем голосе –
Опустошенный, зимний сад

Лютый мороз и вьюга страшная –
И там теплу никак не быть,
Но вот откуда то сердцем согретая
Листва смогла в саду ожить

И было чудо то началом лишь тепла,
Дабы весь сад затем воспрям,
Чтоб снова свет пришёл в твои глаза
И голос твой вновь гордым стал.

2010 год.

Немое кино

В доме холодно, мрачно и зыбко.
Тишина, и ужасно сквозит.
Не отмытая чашка прилипнет,
Пульс играет приевшийся бит.

На плите сковородка и чайник,
За окном черно-белый декабрь.
И мороз пожимает плечами,
Завернув этот город в снега.

Я один. Здесь уныло и тошно,
Мои легкие травит гашиш.
Прикоснуться к тебе невозможно,
Но я слышу, о чем ты молчишь...

И наполню сухими слезами
Эти строки, бросая в окно,
Я часами смотрю в эти рамы,
А за ними – немое кино.

Выстрел

Тяжким грузом сердце сжимая,
Переполнен грехами мой сад,
С веток листья порывом срывая,
Ветер гонит безлюдный парад.

Под навесом истерзанных мыслей
Прячу годы неправедных снов
Отправлял я без адреса письма
Умолял о прощенье Богов.

Мне неведомы ваши законы,
Ослепленный пленник пути.
Заряжаю, в сердцах, я патроны
На последнем подъеме груди

Мимо птицы летят спозаранку,
И пчела что-то ищет в цветке,
Пары тихо гуляют по парку...
Выстрел прозой прорвётся во мне.

2010 год.

Мосты висели

Огни на улицах горели,
Шагали следом за звездой.
Мосты столетние висели,
Мосты висели над Курой.

Манили мягким "Мухамбазом"
Как будто, нежный поцелуй,
Что лаской вырвал первый раз я,
Вновь повторится над рекой.

Поджарист воздух, город дремлет,
Склонилась ночь перед крестом
И, помолившись святой деде,
Укрылась тихим, добрым сном

И одинокие качели
Со скрипом резали покой.
Мосты зажженные висели,
Мосты висели над Курой

Остановись

Остановись!

Боли больше не надо,
Я и так уже дышу сырым, болотным смрадом.
Ладан не сможет защитить от острых стрел,
Земле не хватит мест для погребенья тел.

Стирать, границы мелом в разрушенной Пальмире,
Царапать битый взгляд сухим и грубым миром.
Лира уже устала в образах скрываться,
Кипит в стихах пароль багряного страдальца.

Где я?

И почему вокруг пустые дыры?
Где прячут от живых брильянты и сапфиры?
Сон, иглой проникнет в магистрали вен.
В прокуренной квартире, среди опавших стен

Я упаду в глубокий бархат комы,
Меня потянет сон за тлеющей соломой
Вниз.

Манящим, зыбким взглядом
На запотевших окнах рисуя маскарады.
Злых Богов.

А в августе заплачут вдовы.
Закрывшись от людей на крепкие засовы.
Плачь,

Слезами выбьет на пустом граните
Лишь два любимых слова,
И даты двух событий.

Памяти

Вардана Мусояна

21 февраля 1984 – 21 августа 2011

У реки искать ответ

Воздух влажен и щетинист.
Поросли судьбой дома,
Желтые огни застыли
Над дорогой в небеса.

Ветер воет прямо в душу,
Холод вяжет под луной.
Мое сердце жадно душит
Нерв натянутой струной.

Я зову на помощь молча,
Никому и дела нет,
Кто идет насквозь промокший
У реки искать ответ.

И шагну в кипящий омут
Вслед за тлеющей мечтой.
Пусть проглотят меня волны
Под сгорающей звездой.

Расстояние

Наполнив чашу, я молитву расскажу.
Благословлю меж нами расстоянье.
Ведь я люблю в тебе свою мечту
Свои потери, боль и расставанье.

Люблю глаза, что снятся каждый день,
Твой голосок, что слышу я всё реже
И той мечты потерянную тень
Что обещала встречу нам в Париже

О, как люблю я телефона звон
За то, что дарит каждый раз надежду
И тот покинутый навек перрон,
Твой поцелуй, застывший где-то между...

Благословлю я расстоянье вновь,
Июльских дней то горькое безумство.
Твою немую, но нежную любовь
И мои скромные, но искренние чувства.

Я обязательно умру!

Я обязательно когда то умру.
Меня проводят черные вуали.
Не сможет кто-то скрыть свою слезу,
А чьи-то лица будут смыты сталью.

Они подарят мне букет гвоздик,
В последний раз губами лба коснувшись.
В последний раз услышу мамин крик,
Не шевелясь, но будто бы проснувшись.

Я обязательно умру, но как?
Надеюсь, не больной и не в кровати,
Надеюсь, буду меч держать в руках,
А враг сильней окажется некстати

Я обязательно умру в бою,
Я слышал, открывают двери рая
Тем, кто погиб за родину свою,
Последним вздохом небеса взрывая.

Я завалюсь на рыхлый, белый снег,
От боли искривлю лицо оскалом,
Вспомню последний раз своих друзей,
И в красный снег меня вобьют кинжалом.

Я забыл, что искал

Я забыл, что искал.
Впереди только белая даль и стихи.
Между кованных скал
Спотыкаться устал в безымянном пути.

Где-то падает ночь,
Почему-то над нами не светит луна.
Чью то пьяную дочь
Навсегда похищает безумие сна.

Я забыл, что искал.
Может быть, на земле я последний поэт,
Впереди снова даль,
Но теперь где-то брезжит разорванный свет.

Эти странные сны,
Почему мне так часто мерещится рай?
Впереди теперь ты,
Но зачем-то с издевкой, кричишь мне
«прощай»

Я забыл, что искал.
Я забыл, куда шел и откуда иду
Незнакомый вокзал
Нахожу себя снова в минувшем бреду

От чего убежал?
Почему я не помню дорогу домой?
Потому что я пьян!
И в том доме, навеки, теперь я чужой.

Памяти Владимира Высоцкого.

Стих –ия 1917

Не верит в Господа северная гладь,
Свои молитвы подарив «Советам»,
И православья благодать
Она распнёт под красным цветом

К стене поставит рать попов,
И разом сотни, чистых судеб
Избавит от земных оков,
Не дав и помолиться людям.

Пройдёт огнём по городам
И все, что до си было свято –
Дворцы и книги, Божий храм –
Вмиг поглотит тупое стадо

И расстреляет всю семью
Заступника страны и веры.
Престол нечистому зверью
Подарят черти-изуверы.

Надо мною летают ангелы

Я один в темноте изувеченной.
Тихим шелестом сорванный май.
Плачет клён, как бездомная женщина,
Как пророк, потерявший свой рай.

Я, в тумане извечных сомнений,
Извергаю бумаге псалмы.
Доброволец неясного бремени,
Обречённый на ошупь идти.

Справа пропасть - манит загадками,
Слева быт зыбучих песков.
Надо мною летают ангелы,
На порыве пустынных ветров.

Я пою там, где ждут откровений
Гром дотронется, братски, плеча
Прикоснувшись к свободному племени,
Загорится поэт свеча!

На плаху

Я себя укрою небом,
Спрячу в нем немую боль.
Я свяжу себя заветом,
Нежной музыки серебром.

Положу любовь на плаху,
Подарю тебе топор.
Ты руби с плеча, с размаху,
Разорви стиха узор!

Не жалею я, не плачу,
Рви! И забирай себе,
Пусть послужит наудачу
Взгляд, застывший в феврале

И за миг до верной смерти...
Преданный своей судьбой!
Уронил он строки эти,
Чтобы, обрести покой.

Раны.

В серых буднях наточены бритвы.
Небеса заставляют идти.
Тишина обещает нам битвы
Ароматом хваленой зимы.

Я скрываю себя за пароли,
На глубинах исписанных снов.
Я, Тобой позабытый до боли,
До крови искалеченных слов.

Окружают безумные тени
В этом мире изрубленных скал.
Я шагаю, до боли в коленях,
В царстве боли кривых зеркал.

И мой путь превратился в записки –
Правлю бритвой узоры в кровь,
Эх, налейте покрепче мне виски,
Напиваюсь сегодня вновь.

И наполню пустые стаканы
Запоздалыми каплями слез.
Нет, не виски рубцует раны,
А слезами стегает Христос.

Табор

Придет пора, и ночью звездной
Под вой на желтую луну
Шагну я с табором в берёзы
Терзать, гитарную струну.

Пускай дорога будет домом.
Печаль утопится в вине
И с опьяневшим вдрызг бароном
Ромалы, братцы, спойте мне.

Оставлю в прошлом боль и радость,
Пьянюсь свободой в эту ночь.
Влюбился в дочку конокрада,
Я табора целую дочь.

Пускай кудрявый ветер вьется,
Крадет последний день земной.
Пусть песнь цыганская прольется,
И в спину нож вонзят кривой.

В ритме городских тревог

Нам дано терзать те раны,
Лаской слов царапать пульс,
Кровоточить вместе с вами
За погубленную Русь.

И нефритом рассыпаться
По иссушенной земле,
Здесь хочу я потеряться!
В морозящем октябре.

Наши дети лезут в кассы,
Миррой плачут небеса.
Этот город дышит маслом
Непросохшего холста.

Занавешу окна пледом,
Вой сирен похож на стон.
Этот город кем-то предан,
А кому-то – предан он.

Ночь забыта лунным светом,
Блеск неоновых огней
Растворяет песни ветра
В электронном ритме дней.

И дороги превратились
В желто-белый порошок.
Как же мы себя забыли
Среди городских тревог?

Израиль

Всего на миг закрой глаза,
Вдохни истории спирали.
Пускай чужие эти дали,
Но столь родные небеса.

Здесь силу потерял Самсон,
И Голиаф с Давидом бился.
Стена, с которой ты протислся,
Дворец, где правил Соломон.

Не торопись, мой друг, постой,
Я объясню тебе причины.
Кривые сабли Сарацинов
С «Храмовниками» рвались в бой.

Страна легенд и трех церквей,
Страна стенаний и печали.
Они ведь чаще всех страдали,
Народ – мудрейший из людей.

Здесь вечно лилась чья-то кровь.
Земля пропитана гвоздями,
С венком терновым над глазами
Распяли на кресте Любовь.

Скитались сорок лет в пустыне
Мечты обетованной тверди.
Из лагерей проклятой смерти
Спаслись немногие живыми.

Но, как всегда, сдавив обиду,
С любовью в жизнь неутолимой,
Восстал народ Иерусалима
Лазурным символом Давида.

Никогда я не вернусь

Желтым пламенем сгорая,
Уходил за горизонт,
Не стучался в двери рая,
Не искал спокойный порт.

Наполнял я ветром алым
Золотые паруса.
Волны белой пеной звали,
Синь лизала мне глаза.

Длинным шлейфом, в даль тянулся
За приталенный закат.
Никогда не возвращусь я
В зазеркальный маскарад.

И сгорю с рассветом ранним,
С небесами заодно.
Голубого моря пламя
Жадно тянет свет на дно.

Вифлеемскими тропами

Медный воск затаился над мифом.
Мою грудь наполняет фитиль.
Ты готов к испытанию тифом?
Поглощать только вязкую пыль.

На закланье несут одиночество,
Неуютно писать на листе
О грехах, покалеченных творчеством,
Но пароли висят на кресте.

Умолять не загнуться от холода,
Опадать серым пеплом на твердь.
Мы привыкли к толченому голоду,
Но страшит одинокая смерть.

Пусть привяжут застывшими стропами
К черной пряди агатовых бус.
И ведет Вифлеемскими тропами
Темной ночью младенец Иисус.

Золотые мечты

Как угодно меня называй –
Мазохист, сумасшедший, дитя.
Только душу мою не терзай,
Или рви, но хотя бы любя.

Пусть никчемный я, дуралей,
Пусть не веришь в мою любовь –
Подари лишь немного дней,
А затем растерзай меня вновь.

Я ведь соткан всего лишь из фраз,
Я не стою твоей чистоты?
А вокруг миллионами глаз
Опьянят золотые мечты.

Но очнешься от сотканных снов,
Окружит одиночеством гладь,
Снова вспомнишь слепую любовь
И продолжишь мне душу терзать.

Кавказ

Немой Кавказ, уже не мой,
Упрется даль в немые склоны.
Меня забросило судьбой
В чужое. Северное лоно.

Немой Кавказ туманом смят,
Отрывок позабытой прозы,
Мне полюбился новый сад –
Где солнце нежится в березах

Немой Кавказ угрюм и строг.
Седой старик, сомкнувший брови.
А я спешил, как только мог,
На родину, поближе к крови.

Немой Кавказ теперь не мой...
И за мою любовь к березам
Застынет сердце за чертой,
А в душу протекают слезы.

Рыжий листопад

Ивовая россыпь.
Падающий лист.
Приносил нам осень
Ветра тихий свист.

Молодость, свобода,
Первые шаги.
Отшумели годы,
Позабылись дни.

Падает так звонко
Рыжий листопад.
Рыжая девчонка
Увела мой взгляд

Весело, игриво,
Легкостью пера
Мой покой навеки
В плен она взяла.

И в лучах пропала
Тлеющих лампад,
А в закате рыжем
Пляшет листопад.

И теперь все чаще
В памяти моей
Рыжая девчонка,
Взгляд её очей.

Мы слепы

Годы сушат и стегают раны
Боль уже совсем не та.
Лагеря отняли Мандельштама,
А Сережу забрала петля.

Советы расстреляли Гумилева
За мечты о дерзком мятеже.
А теперь в стране свобода слова,
Только вот слова уже не те...

Спят поэты, обрастая жиром,
А вокруг спокойно и тепло,
И страна похожа на Пальмиру,
Хоть и тихо движется на дно.

Мы слепы к убийствам журналистов,
Мы слепы к Беслану и Чечне.
Мы вообще, теперь, слепы к убийствам
В этой покалеченной стране.

Девять строк

И останется девять престолов,
Девять царств на глубинах легенд,
Девять дней, девять строгих канонов,
Девять ангелов, дарящих свет.

И псалмы в девяти синагогах
Девять раз прозвучат под звездой.
Девять снов посвящали мы Богу,
Отмечали девятой луной.

Девять строк на застывшие ноты....

ОГЛАВЛЕНИЕ

Керосиновая лампа	3
Позволь мне быть твоим	4
Времени бег	5
Письма на скатерти	6
Пьяная Русь	7
Болезнь	8
Другим огнем	9
Эй цыганка	10
Испания в руках тирана	11
О чем скрипят несмазанные двери	12
Я не могу себя понять	13
Ярославль	14
Жертвы	15
Святой отец	16
Кутаисские мотивы	17
Осень в Имерети	18
Город оборванных фраз	19
Стих	20
Отца охрипший голос	21
Немое кино	22
Выстрел	23
Мосты висели	24
Остановись	25
У реки искать ответ	26
Расстояние	27
Я обязательно умру!	28
Я забыл, что искал	29
Стих –ия 1917	30
Надо мною летают ангелы	31
На плаху	32
Раны	33
Табор	34
В ритме городских тревог	35
Израиль	36
Никогда я не вернусь	37
Вифлеемскими тропами	38
Золотые мечты	39
Кавказ	40
Рыжий листопад	41
Мы слепы	42
Девять строк	43